

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

ГОДЪ XXIV.

№ 10

МАЯ 15.

Литовская церковная унія и воссоединеніе уніатовъ въ 1839 году.

(Краткій историческій очеркъ).

*„Аще не Господь созиждетъ
домъ всуе трудишася зиждущіи“* (Псал. СХХVI; 1 ст.).

Въ настоящемъ году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, когда литовскіе уніаты воссоединились съ православною русскою семьей, отъ которой они были насильственно отторгнуты назадъ тому нѣсколько столѣтій. 8-го Іюня вся русская и преимущественно юго-западная земля готовится оправдывать это знаменательное въ лѣтописяхъ русской исторіи событіе торжественными богослуженіями, молебствіями, чтеніями и т. п. И не напрасно. Воспоминаемое событіе, дѣйствительно, представляетъ явленіе весьма крупное, выходящее далеко изъ ряда событій обыденныхъ и для русскаго православнаго человѣка въ высокой степени отрадное. Велика бываетъ, по слову Спасителя, «радость на небѣ о единомъ грѣшникѣ кающемся» ... (Лука XV, 7. 10).

Какъ же не радоваться истинному сыну православной церкви, вспоминая возвращеніе въ вѣдро ея полутора милліона томившихся въ долгомъ насильственномъ отчужденіи отъ нея чадъ? И какъ не торжествовать истинно-русскому человеку-патріоту, вспоминая тотъ великій историческій моментъ, когда русская семья увеличилась полутора милліонами братьевъ, которыхъ шедшая рядомъ съ унией полонизація угрожала лишить совершенно ихъ національности и обратить въ упорныхъ враговъ своей отчизны?

Такъ называемая Литовская Церковная Унія принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ событій, которыя менѣе всего соотвѣтствуютъ своему названію. Со стороны православныхъ здѣсь не было ни малѣйшаго желанія на братское единеніе съ католиками въ духѣ напизма. Съ самаго начала до конца Унія была дѣломъ Латино-польской интриги, употребившей на это дѣло всѣ средства іезуитской тактики и въ концѣ концовъ блистательно доказавшей всему свѣту тщету человѣческихъ усилій поколебать дѣло Божіе. Участіе православныхъ въ уніи выражалось постоянно то въ активной, то въ пассивной оппозиціи ей, пока энергія сопротивленія не сламывалась энергіей насилія.

Жадные до власти и славы римскіе папы давно обращали свои взоры на Россію и не разъ пытались привести ее къ подножію своего престола. Политическія обстоятельства, изъ которыхъ они умѣли извлекать всю возможную пользу для своихъ цѣлей, помогли имъ осуществить свои стремленія, хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ это имъ хотѣлось. Ревностными помощниками ихъ въ этомъ дѣлѣ были польско-литовскіе государи. Религіозные и политическіе интересы латинянъ и поляковъ вступили въ союзъ между собою и составили ту страшно-злбную силу, продуктомъ которой была унія и которая въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ

лежала на западно-русскомъ народѣ такимъ тяжкимъ матеріальнымъ и нравственнымъ гнетомъ, предъ которымъ едва ли не отступаетъ на задній планъ даже памятное монгольское иго.

Мѣстомъ, гдѣ разыгралась религіозно-политическая трагедія, извѣстная подъ именемъ Литовской Церковной Уніи, было великое княжество Литовское. Въ XII вѣкѣ оно было совершенно не значительно; но въ XIII и особенно XIV вѣкахъ, воспользовавшись поработченіемъ Руси Монголами, литовскіе князья успѣли подчинить своей власти весьма значительную часть южно-русскихъ земель. Еще будучи язычниками, они однако оказывали покровительство православной вѣрѣ своихъ новыхъ подданныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже сами принимали православіе. Помимо торжества религіозной истины здѣсь сказывался глубокій и вѣрный расчетъ политическій: не видя стѣсненія національнаго и религіознаго, русскіе люди охотно покорялись литовскому оружію, избавлявшему ихъ отъ ига «поганыхъ» татаръ. Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились; измѣнилась и политика литовскихъ князей, и положеніе ихъ православныхъ русскихъ подданныхъ, которые увидѣли теперь, что они попали изъ огня да въ полымя, убѣжали отъ татарской неволи и попали въ латинско-польскую кабалу.

Въ 1386 году совершилось извѣстное соединеніе Литвы съ Польшею. Литовскій князь Ягайло получилъ польскую корону съ условіемъ обратить въ католичество своихъ литовскихъ подданныхъ. Съ того времени и началась упорная борьба многострадальнаго западно-русскаго народа за свою вѣру. Попытки Ягайло доказать свою религіозную ревность католическимъ патерамъ и молодой супругѣ, ради которой онъ, крещенный уже по православному обряду, принялъ новое латинское крещеніе, оказались очень неудачны. Двою-

родный братъ его Витовтъ воспользовался вызваннымъ насильственными мѣрами въ Литовскомъ народѣ озлобленіемъ и отнялъ у Ягайла Литву. Витовтъ не притѣснялъ православныхъ; но самъ онъ былъ католикъ и видимо покровительствовалъ католичеству. Такъ, на Городельскомъ польско-литовскомъ сеймѣ въ 1413 году между прочимъ постановлено было, что пользоваться различными преимуществами и занимать высшія должности въ Литвѣ могутъ только лица латинскаго исповѣданія;— православіе такимъ образомъ явно унижено было предъ католицизмомъ.

Послѣдующіе литовскіе государи придерживались той-же политики и чѣмъ далѣе, тѣмъ энергичнѣе. Причины этого понятны. Литва была государствомъ почти исключительно русскимъ; въ составъ его входили только двѣ теперешнія губерніи (Виленская и Ковенская) съ населеніемъ собственно литовскимъ, хотя въ значительной степени обрусѣвшимъ; остальные девять теперешнихъ губерній были чисто русскія по народности и вѣрѣ. Такое государство, естественно, должно было тяготѣть къ восточной Руси, и тяготѣнія это усиливалось по мѣрѣ того, какъ подъ мощною рукою московскихъ князей собиралась русская земля, высвобождалась изъ-подъ татарскаго гнета и обнаруживала явное стремленіе возвратить то, что отнято было у нея въ годы бѣдствій. Соединеніе западной Литовской Руси съ восточной московской казалось только дѣломъ времени. Но этого никакъ не желали допустить ни Польша, ни Литовское правительство. Польша безъ Литвы утратила-бы большую половину своей силы и обратилась-бы въ незначительное государство, дни котораго среди сильныхъ сосѣдей были-бы сосчитаны. Литовское правительство желало сохранить хотя тѣмъ независимости и предпочитало болѣе или менѣе отдаленное подчиненіе Польшѣ ближнему, какъ тогда казалось, подчиненію

Москвѣ. Тѣмъ и другимъ во что бы то ни стало надо было поддержать и развить до возможныхъ предѣловъ разнь между западно-русскимъ и восточно-русскимъ народамъ, и лучшее орудіе для этого они видѣли въ религіозномъ сепаратизмѣ. Вотъ почему папа и фанатическіе проповѣдники уніи находили себѣ усердныхъ союзниковъ даже въ такихъ польскихъ и литовскихъ государяхъ, которые лично чужды были религіознаго фанатизма. Со времени Ягайла эти послѣдніе начали заботиться всѣми силами о распространеніи въ Литвѣ польскаго языка, обычаевъ, нравовъ и т. д. и достигали своей цѣли болѣе или менѣе успѣшно, особенно въ средѣ аристократіи, которая поддавалась вліянію сравнительно высокой польской цивилизаціи и соблазнялась предоставляемыми льготами и привилегіями. Труднѣе было на мѣсто православной вѣры поставить католичество; но къ этой именно цѣли и стали направляться всѣ усилія Литовскаго правительства, подстрекаемаго папскими агентами.

Въ 1459 году исполнилось давнее желаніе литовскихъ князей: западно-русская митрополія окончательно отдѣлилась отъ восточной и получила своего отдѣльнаго митрополита. Это былъ первый и очень важный шагъ къ достиженію завѣтной цѣли поляковъ и латинянъ. Западно-русская церковь лишилась могучей поддержки своей восточной сестры и становилась въ тѣсную зависимость отъ свѣтскаго правительства, потому что каноническая зависимость отъ патріарха Константинопольскаго по дальности разстоянія и политическимъ обстоятельствамъ могла быть только номинально. Литовскіе князья и польскіе государи получили такимъ образомъ возможность вмѣшиваться въ церковныя дѣла и направлять ихъ по своему усмотрѣнію, то есть къ возможно дальнѣйшему раздѣленію съ церковью Московской. Это обнаружилось въ появленіи на митрополичьей кафедрѣ такихъ

личностей, какъ Григорій Болгаринъ и Іосифъ Болгаринovichъ, которые подъ давленіемъ свѣтской власти пытались было даже ввести въ своей митрополитіи Флорентійскую унію. Попытки эти неимѣли успѣха; онѣ встрѣтили самое энергичное противодѣйствіе со стороны православныхъ, и показали, что почва для такого или иного утвержденія здѣсь католичества далеко не подготовлена. Польско-латинская партія однако не смущалась этимъ и продолжала свою работу.

Въ 1569 году совершилась такъ называемая Люблинская Унія. Не смотря на всѣ протесты Литва была присоединена къ Польшѣ и слилась съ нею въ одно политическое цѣлое. Полякамъ и католикамъ теперь представлялось гораздо болѣе простора и удобствъ для осуществленія своихъ политическихъ и религіозныхъ вождедѣній. На нѣкоторое время дѣятельность ихъ была парализована распространеніемъ въ Польшѣ и Литвѣ протестантскихъ ученій. Но тотъ же протестантизмъ принесъ имъ и значительную пользу: во первыхъ, лежавшій въ основѣ его религіозный рационализмъ породилъ нѣкоторую религіозную расшатанность и индиферентизмъ, отразившійся на многихъ православныхъ панахъ и значительно облегчившій борьбу съ православіемъ; во вторыхъ, онъ послужилъ поводомъ къ появленію здѣсь іезуитовъ, наиболѣе опытныхъ, искусныхъ, энергичныхъ и неразборчивыхъ на средства борцовъ папской идеи.

Въ 1564 году іезуиты появились въ Польшѣ, а въ 1569 году проникли и въ Литву. Очень искусно прикрываясь заманчивою личиною самоотверженныхъ друзей чело-вѣчества, они успѣшно поведи свое дѣло и, покончивши съ протестанствомъ, дѣятельно принялись за православіе. Весь арсеналъ іезуитскаго оружія пущенъ былъ въ ходъ: заводились школы, куда по необходимости отдавали своихъ

дѣтей и православные, и откуда они выходили пропитанные латинскими симпатіями; устраивались торжественныя богослуженія и процессіи, чтобы привлечь и поразить вниманіе простаго народа; говорились проповѣди въ костелахъ объ отступленіи отъ вѣры греко-восточной церкви; русскимъ іерархамъ указывалось на ихъ униженное безправное положеніе сравнительно съ латинскими бискупами; православнымъ русскимъ навамъ выставлялись на видъ церковныя безпорядки, упадокъ и невѣжество іерархіи..

Все это говорилось съ видомъ искренняго соболѣзнованія и самаго дружескаго сочувствія, вводившаго многихъ въ простодушное заблужденіе. На самомъ же дѣлѣ католики и іезуиты дѣйствовали совершенно наоборотъ. Чтобы ослабить или уничтожить сопротивленіе своимъ стремленіямъ, они придумали мѣру, которая могла быть допущена только іезуитскою и папскою моралью: они рѣшили расшатать русскую іерархію, унизить ее нравственно и лишить такимъ образомъ силы и значенія, рассчитывая потомъ легко овладѣть паствою, лишенною твердыхъ и дѣятельныхъ руководителей. Для достиженія этой цѣли они воспользовались существовавшимъ въ западно-русской церкви обычаемъ патроната.

Прикрываясь этимъ давно утвердившимся обычаемъ польскіе короли, руководимые католическими патерами и іезуитами, стали назначать на высшія духовныя мѣста людей, вовсе неспособныхъ и не подготовленныхъ къ духовной службѣ.. Это были нерѣдко міряне знатнаго рода, которыхъ въ награду за вѣрную службу или бакія-либо услуги король назначалъ епископами, что бы они могли пользоваться громадными доходами съ епископскихъ имѣній и монастырей. Иные изъ получавшихъ высшія церковныя должности подолгу не принимали даже духовнаго сана и

распоряжались церковными дѣлами словно настоящіе епископы, оставаясь мірянами. Нерѣдко, вопреки церковнымъ канонамъ, назначались на высшія духовныя мѣста лица, которыя были два раза женаты. Бывали случаи, что епископы, не стѣсняясь своимъ саномъ, вели семейную жизнь. Жили они въ своимъ замкахъ, какъ истые магнаты, въ роскоши и полномъ довольствѣ; держали вооруженныхъ слугъ, дѣлали порой буйныя набѣды на чужія земли и вели войну между собой. На свои епархіи многіе изъ нихъ смотрѣли только какъ на свои помѣстья, съ которыхъ старались собрать какъ можно больше доходовъ. Такіе пастыри, конечно, не могли быть вѣрными защитниками и блюстителями православія. Своей зазорной жизнію и пороками они только вводили въ соблазнъ мірянъ, которые естественно отшатывались отъ такой іерархіи: между насущными и насомыми являлся такимъ образомъ глубокой разладъ, подрывавшій силы церкви въ ту именно пору, когда онѣ нужны были ей болѣе всего. Низшее духовенство не могло взять на себя руководство въ борьбѣ съ католичествомъ по причинѣ своего крайняго униженія. Загнанные и беззащитные приходскіе священники терпѣли всякія насилія и обиды и отъ владыкъ, и отъ мірянъ. Помѣщики, обыкновенно назначавшіе своихъ священниковъ, смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ холоновъ, держали ихъ, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, гоняли на работы и сбѣгли розгами на ряду съ мужиками. Все это страшно принимало званіе священника, и дѣло дошло до того, что честные и благомыслящіе люди даже стыдились вступать въ это званіе; приходилось назначать священниками кого попало, людей не только невѣжественныхъ и грубыхъ, но часто даже порочныхъ и нетрезвыхъ... Удивительно-ли, что западно-русскій священникъ не могъ бороться съ ловкимъ, изычнымъ и

образованнымъ есендомъ или іезуитомъ особенно за вліяніе на высшій аристократическій слой русскаго народа?

До такого печальнаго состоянія доведена была западно-русская церковь, когда на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III; король этотъ былъ всецѣло въ рукахъ іезуитовъ, которые, опираясь на его силу, начали теперь дѣйствовать болѣе открыто и рѣшительно. Но не смотря на свои усилія, іезуиты видѣли, что при всѣхъ ихъ усиленіяхъ ввести прямо католичество въ Литвѣ невозможно: русскій народъ какимъ то инстинктомъ чувствовалъ, какъ искажена была въ немъ истинная религія Христа, и всегда упорно отворачивался отъ него. Поэтому іезуиты взялись за мысль объ униі и на время усилія достигнуть своей цѣли.

Въ 1577 году іезуитъ Скарга издалъ сочиненіе «о единствѣ Церкви Божіей», въ которомъ краснорѣчиво и обстоятельно доказывалъ необходимость соединенія западно-русской церкви съ римскою. Онъ указывалъ на различныя безпорядки и нестроенія въ православной Церкви, причиною которыхъ считалъ главнымъ образомъ брачную жизнь священника, славянскій языкъ въ богослуженіи и вмѣшательство мірянъ въ церковныя дѣла. Только подчиненіе папѣ могло, по мнѣнію Скарги, вывести Церковь западно-русскую изъ ея униженнаго и бѣдственнаго положенія; при этомъ православные обряды и вѣрованія могли оставаться въ прежнемъ видѣ.

Сочиненіе Скарги распространилось очень быстро и вызвало сильныя опроверженія со стороны православныхъ. Но оно заставило многихъ глубоко задуматься. Нестроенія и безпорядки, на которые указывалъ Скарга, и которые съ безпощадною откровенностію и въ самыхъ яркихъ краскахъ выставлялись при всякомъ удобномъ случаѣ іезуитами, дѣйствительно существовали, смущали православныхъ людей и насто-

ательно требовали уничтоженія. Не имѣя возможности достигнуть этого собственными средствами, православные обратились къ константинопольскому патріарху съ просьбою пріѣхать въ Литву для упорядоченія церковныхъ дѣлъ.

Въ 1589 году патріархъ Іеремія II дѣйствительно прибылъ въ Литву, и ему тотчасъ же со всѣхъ сторонъ поданы были жалобы на безпорядки, злоупотребленія и пороки епископовъ. Но православные, возлагавшіе на патріарха послѣднюю надежду, ожидали отъ него слишкомъ многого, чтобы не подвергнуться горькому разочарованію. Надо было знать очень хорошо положеніе дѣлъ и не только ихъ явную, но и закулисную сторону, чтобы дѣйствовать всегда правильно и рѣшительно; а требовать этого отъ патріарха, конечно, было бы несправедливо. Надо было много времени, чтобы выработать себѣ вѣрный взглядъ на церковныя нужды, составить цѣлеобразный планъ дѣйствій и осуществить его на практикѣ; а патріарха неотложныя дѣла призывали въ Константинополь. Надобно было располагать полною свободою дѣйствій, чтобы дѣйствовать успѣшно; но іезуиты и польское правительство старались всячески тормозить распоряженія патріарха. Прибавимъ къ этому, что патріархъ не зналъ ни русскаго, ни польскаго языка, и окружающіе нерѣдко злоупотребляли этимъ и вводили его въ заблужденія. Неудивительно поѣтому, если пріѣздъ Іереміа только усилилъ зло, вмѣсто того, чтобы уничтожить его. Попытка Іереміа поднять западно-русскую іерархію низложеніемъ недостойныхъ пастырей не была доведена до конца и только породила среди нея озлобленіе противъ патріарха. Низложенъ былъ только митрополитъ Овисифоръ, двоюродный и порочный человѣкъ; но остались на каедрѣхъ Діонисій Хельмскій и Леонтій Пинскій, жившіе открыто съ женами, и другіе пастыри, занятнавшіе себѣ совѣмъ не пастырскими поступками. Всѣмъ имъ въ силу патріаршей грамоты угрожалъ

судъ и низложеніе. Новый митрополитъ Михаилъ Рагоза былъ недоволенъ недовѣріемъ къ нему патріарха и назначеніемъ Кирилла Терлецкаго, Луцкаго епископа, патріаршимъ Экзархомъ. Кириллъ Терлецкій недоволенъ былъ тѣмъ, что его не назначили митрополитомъ; кромѣ того на него поступило множество жалобъ къ патріарху за разнаго рода буйства, и патріархъ даже назначилъ надъ нимъ судъ. Львовскій епископъ Гедeonъ недоволенъ былъ тѣмъ, что патріархъ усилилъ власть и значеніе Львовскаго братства, съ которымъ онъ давно находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Низшее духовенство не увидѣло отъ патріарха облегченія своей горькой судьбы; а между тѣмъ многимъ изъ нихъ въ силу патріаршей грамоты также грозилъ судъ и низложеніе. Міряне и особенно православные паны, легкомысленно ожидавшіе, что патріархъ разрубитъ образовавшіеся въ церковныхъ дѣлахъ гордіевы узлы, горько обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и естественно, хотя и совершенно несправедливо, свалили всю вину на невнимательность и нерадѣніе патріарха. Пріѣздъ его такимъ образомъ не принесъ ожидаемой пользы. Онъ только обнаружилъ еще болѣе таившіяся до сихъ поръ язвы, выставилъ ихъ такъ ярко, что замалчивать ихъ, закрывать на нихъ глаза стало невозможнымъ; между тѣмъ радикальнаго лѣченія не было предпринято, и власть патріарха оказалась бессильною въ этомъ отношеніи. Надобно было, казалось многимъ подъ вліяніемъ озлобленія или разочарованія, обратиться къ чужеземному доктору, котораго такъ настойчиво рекомендовали іезуиты, преувеличивая въ тоже время всѣми силами и значеніе болѣзни и неспособность собственныхъ врачей. Мысль объ уни при тревожномъ и болѣзненномъ настроеніи умовъ находила себѣ достаточно подготовленную почву.

Болѣе всего обращеніе къ іезуитскому врачу желательно

было епископамъ, которые видѣли, что при нормальномъ лѣченіи церковныхъ золь, ампутація прежде всего должна коснуться ихъ, какъ наиболѣе зараженныхъ и заражающихъ остальное церковное тѣло частей. Люди своекорыстные, они всѣми силами хотѣли избѣжать этого и сохранить за собою положеніе хотя бы въ ущербъ православію. Мало того, имъ хотѣлось улучшить это положеніе и добиться равныхъ правъ съ латинскими бискупами. Унія съ Римомъ для этого была самымъ подходящимъ средствомъ, и западные епископы не безъ тайнаго вліянія іезуитовъ, начали дѣйствовать въ пользу уніи. Самымъ предпріимчивымъ изъ нихъ былъ Кириллъ Терлецкій, человекъ даровитый и энергичный, но въ то же время хитрый и двоедушный. Къ нему присоединились еще три епископа Діонисій Хельмскій, Леонтіи Пинскій и Гедеоны Львовскій.

Въ 1590 году эти епископы подали королю просьбу объ обезпеченіи имъ разныхъ правъ и преимуществъ, при чемъ выражали желаніе подчиниться папѣ съ тѣмъ только, что бы русской церкви были оставлены ея вѣроисповѣдныя различія, обряды и богослужебный языкъ. Король съ большою радостію принялъ эту просьбу и обѣщалъ исполнить ее. Скоро Кириллъ Терлецкій нашелъ себѣ дѣятельнаго сотрудника въ лицѣ Ипатія Поцѣви, владимірскаго епископа, единственнаго, повидимому, безкорыстнаго дѣятеля уніи. Чтобы осуществить свои планы, имъ особенно надобно было привлечь на свою сторону митрополита и могущественнаго магната князя Константина Острожскаго. Михаилъ Рагоза, благочестивый но слабодушный пастырь, подпалъ ихъ вліянію и началъ дѣйствовать двусмысленно: то, опасаясь короля, онъ поддерживалъ Кирилла и Ипатія и склонялся на сторону Уніи; то, опасаясь пробуждавшагося волненія и негодованія православныхъ, заявлялъ о своемъ православіи и предавалъ проклятію всякую унію съ

Римомъ. Такой образъ дѣйствій митрополита очень много повредилъ православію: онъ развязалъ руки Кириллу и Ипатію, а православныхъ лишилъ той силы, которая такъ необходима была, чтобы подавить мысль объ уніи въ самомъ началѣ.

Склонить на свою сторону кн. Константина Острожскаго уніатствующимъ епископамъ не удамось. Правда онъ высказывался за Унію, но желалъ, что бы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ вселенскимъ соборомъ, а не мѣстною церковью. Теперь онъ наряду съ братствами выступилъ ревностнымъ защитникомъ православія, и около него сгруппировались вѣрные сыны церкви. Какъ ни скрывали свое дѣло Кириллъ и Ипатій, но слухи объ ихъ предательствѣ стали распространяться: противъ нихъ заговорило общественное мнѣніе и стали раздаваться энергическія обличенія съ церковной каведры. Медлить долѣе было нельзя: приходилось рѣшаться и выбирать одно изъ двухъ:—или отказаться отъ Уніи, или открыто стать на ея сторону и осуществить ее на дѣлѣ. Гедеонъ Львовскій, менѣе своекорыстный и болѣе преданный православію пастырь, отказался отъ Уніи и вмѣстѣ съ Михаиломъ, епископомъ Перемышльскимъ, рѣшительно сталъ на сторонѣ православія. Остальные епископы приняли сторону Уніи.

Въ 1595 году Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй отправились въ Римъ; на дорогѣ они составили подложную грамоту отъ лица всѣхъ западно-русскихъ епископовъ, въ которой изложены были слѣдующія условія Уніи.

- 1) Духовенство и міряне Восточнаго исповѣданія подчиняются папѣ;
- 2) принимаютъ новый календарь;
- 3) обряды, таинства и особенно Литургію будутъ совершать по древнему чину;
- 4) касательно ученія о Св. Духѣ будетъ признано, что

какъ Греки, такъ и Латиняне вѣруютъ православно, только не разрѣшили еще взаимныхъ недоразумѣній.

5) Другіе предметы, какъ-то: пріятіе мірянами Евхаристіи подъ однимъ или двумя видами—будутъ предоставлены на судъ напы.

6) Владыкамъ русскимъ можно совершать Богослуженіе въ костелахъ и наоборотъ—епископамъ римскимъ въ церквахъ.

За это предоставляются права: Владыкамъ—мѣсто въ Сенатѣ, всему духовенству—свобода отъ налоговъ, народу по городамъ права общія съ Латинянами. Весь этотъ договоръ для полной силы и прочности будетъ утвержденъ на сеймахъ и внесенъ въ конституцію¹⁾.

Въ Римѣ Кириллъ и Ипатій, которымъ отстунить было уже невозможно, пошли еще далѣе и предъ лицомъ папы признали всѣ римскіе догматы: объ исхожденіи Св Духа, индугенціяхъ, чистилищѣ, главенствѣ папы, такъ что отъ православія остались одни обряды. Папа былъ очень доволенъ поведеніемъ самозванствующихъ представителей западно-русской церкви и торжественно объявилъ о пріятіи ея въ лоно церкви Римской. Въ память этого событія даже выбита была медаль съ изображеніемъ папы, благословляющаго нисловъ и подписью: „Ruthenis receptis“ 1596 г.

Слухи о томъ, что епископы заключили Унію съ Римомъ вызвали сильное волненіе въ средѣ православныхъ, изъ котораго іезуиты и униаты умѣли извлечь выгоду. Разгоряченные защитники православія нерѣдко дѣйствовали необдуманно: такъ они упустили случай осудить унію въ отсутствіи Терлецкаго и Поцѣя и не постарались привлечь на свою сторону все еще колебавшагося митрополита. Когда же Ипатій и Ки-

---

¹⁾ Колловичъ. Литовская церковная Унія т. 1, 141—142 стр.

рилль возвратились изъ Рима, остановить развитіе уніи оказалось православнымъ не подѣ силу.

Для рѣшенія вопроса объ уніи, по указу короля, собрался соборъ въ Брестѣ въ 1596 году. Между собравшимися сразу обнаружился глубокой разладъ, и вмѣсто одного собора получилось два: православный и уніатскій. Во главѣ православныхъ стояли экзархи Константинопольскаго патріарха Никифоръ и Александрійскаго Кирилль Лукарьсь, епископы Гедонъ и Михаилъ, много архимандритовъ и игуменовъ; здѣсь же были кн. К. Острожскій и множество другихъ свѣтскихъ лицъ. Уніатскій соборъ состоялъ изъ митрополита М. Рагозы, пяти уніатствующихъ епископовъ, королевскихъ пословъ и трехъ латинскихъ бискуповъ. Послѣ неоднократныхъ попытокъ призвать митрополита и уніатствующихъ епископовъ на соборъ, экзархъ Никифоръ торжественно изложилъ ихъ преступленіе-нарушеніе клятвы подчиняться царьградскому патріарху, самовольное рѣшеніе вопроса о соединеніи церквей, вопреки постановленіямъ древнихъ соборовъ и т. п. Винодность ихъ была очевидна, и соборъ объявилъ митрополита и владыкъ-уніатовъ лишенными ихъ духовнаго сана. Между тѣмъ уніатскіе владыки и латинскіе бискупы совершили благодарственное молебствіе за соединеніе христіанъ. Прочитана была во всеуслышаніе грамота, въ которой митрополитъ и епископы именемъ Бога заявляли всѣмъ на вѣчную память о своемъ подчиненіи папѣ. Православные епископы объявлены были ослушниками митрополита, экзархи шпионами султана, православные міряне—преступниками противъ іерархін и короля.

Вотъ какимъ образомъ состоялась знаменитая Литовская Унія. Она была принята только слабодушнымъ митрополитомъ, да нѣсколькими измѣнившими дѣлу православія своекорыстными іерархами, съ соблюденіемъ всѣхъ каноническихъ правилъ осужденными и низложенными на православномъ Брест-

скомъ соборѣ 1596 года. Дальнѣйшее существованіе такой Уніи могло быть поддержано только путемъ насилія. И это не замедлило обнаружиться на самомъ дѣлѣ

(Окончаніе будетъ).

Торжество христіанской вѣры въ греко-римской имперіи при Константинѣ Великомъ.

(Продолженіе ¹)

Побѣдивъ Максенція, Константинъ Великій объявилъ себя западнымъ императоромъ. Новый государь не замедлилъ обнаружить свое расположеніе къ христіанамъ. Въ восточной половинѣ имперіи послѣ смерти Галерія царемъ сталъ кесарь Ликийскій. Въ 313 году Константинъ потребовалъ отъ него отменить всѣхъ тѣхъ ограниченій и стѣсненій, которыя успѣли уже появиться послѣ указа отъ 311 года во вредъ христіанской церкви. Хотя Ликийскій не расположенъ былъ въ пользу христіанъ, однако согласился съ желаніемъ Константина. Слѣдствіемъ этого было появленіе на свѣтъ знаменитаго Миланскаго указа отъ 313 года за подписью Константина и Ликийскаго. «Такъ какъ мы давно желали, гласилъ указъ, не отказывать никому въ религіозной свободѣ.... то и повелѣли, чтобы всякій, и именно христіане, держался своей вѣры. Но такъ какъ къ указу (311 г.), которымъ была предоставлена эта свобода, прибавлено было много различныхъ ограниченій, то по этому вѣроятно нѣкоторые скоро снова отшатнулись отъ этой вѣры. Вслѣдствіе этого, собравшись въ Миланѣ для разсужденій о дѣлахъ общественныхъ и особенно для устроенія всего, что относится къ религіи... считаемъ за самое спасительное и цѣлесообразное никому и ни

¹) См. 'Ж' 9' Воров. Епарх. Вѣдом.

въ какомъ случаѣ не отказывать въ свободѣ. На этомъ основаніи мы опредѣлили устранить всѣ ограниченія касательно христіанъ, заключающіяся въ прежнемъ указѣ и позаботиться о томъ, чтобы всякій, желающій держаться, христіанской вѣры, могъ дѣлать это, не боясь никакихъ безпокойствъ и стѣсненій. И такимъ образомъ симъ объявляемъ, что мы представили христіанамъ безусловную свободу и полное право держаться своего богопочтенія. Итакъ христіанамъ предоставляется полная свобода вѣроисповѣданія. Совершенно открытъ свободный доступъ въ христіанскую церковь всѣмъ желающимъ. Съ затаенной злобою въ душѣ примирились язычники съ новымъ порядкомъ вещей. Эта злоба должна была всплыть наружу при первомъ удобномъ случаѣ.

Миланскій указъ отъ 313 года былъ обязателенъ для обоихъ государей. Но далеко съ неодинаковымъ расположеніемъ духа отнеслись къ нему императоры. Расположенный къ христіанамъ Константинъ держался буквы указа. Ни одинъ изъ самыхъ ярыхъ язычниковъ не отважился при немъ какимъ бы то ни было образомъ нарушить силу закона. Далекое же было на востокѣ. Правда, и здѣсь не совсѣмъ удобно было явно и открыто нарушать подписанный обоими государями и скрѣпленный приказъ; но за то его стали нарушать и притѣснять христіанъ косвенными, но все же болѣе или менѣе чувствительными мѣрами. Не прошло и одного года, какъ два породнившіеся между собою государя разсорились. Теперь еще ссора вышла повидимому изъ за предѣловъ и границъ обѣихъ половинъ имперіи. Константинъ остался побѣдителемъ. Онъ отрѣзалъ у Ликинія часть его владѣній. Это озлобило послѣдняго. Свое несчастіе Ликиній приписалъ винѣ христіанъ. Сочувствуя Константину, они будто бы не хотѣли сражаться съ его войсками. Уже въ этомъ подозрѣніи заключалась причина для новыхъ притѣсненій христіанъ. Въ

началъ эти притѣсненія носили характеръ мелкихъ мѣропріятій, которыя могли только оскорблять и раздражать исповѣдниковъ имени Христа, но не причинять имъ большаго вреда. Но скоро оказалось, что язычники готовы были приступить и къ кровавымъ мѣрамъ. Самъ Ликийскій приказалъ разрушить нѣсколько христіанскихъ храмовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ молятся не за него, а за Константина, а по мѣстамъ язычники замучили нѣсколькихъ исповѣдниковъ христіанской вѣры.

Ликийскій отчасти былъ правъ, подозрѣвая восточныхъ христіанъ въ сочувствіи къ Константину. Всѣмъ было извѣстно расположеніе послѣдняго къ христіанской вѣрѣ. Издаваемые Константиномъ для западной половины имперіи указы ясно свидѣтельствовали объ этомъ. Въ нихъ Константинъ называетъ язычество старымъ заблужденіемъ и суевѣріемъ. Въ этомъ то и заключалась причина враждебныхъ отношеній восточнаго императора къ западному.

Послѣ девятилѣтнихъ натянутыхъ отношеній между обоими государями началась война. Эта война теперь ведется за вѣру. Защитникомъ стараго идолопоклонства является Ликийскій. Обруженный гадателями и разнаго рода прорицателями, онъ проситъ у языческихъ боговъ помощи противъ своего врага т. е. Константина. Обильныя жертвы приносятся въ рощахъ и языческихъ канищахъ. Царь призываетъ всѣхъ мужественно возстать на защиту идолопоклонства. Онъ открыто заявляетъ, что предстоящая борьба должна рѣшить споръ между старыми языческими богами и Богомъ христіанъ, почитателемъ котораго является и Константинъ. А этотъ послѣдній выступаетъ противъ Ликийскія во имя Бога истиннаго Крестъ Христовъ предшествуетъ войскамъ. Мужественно идутъ воины на защиту знаменія побѣды надъ исконнымъ врагомъ спасенія людей. Все упованіе ихъ возложено на Царя царствующихъ.

И надежда не посрамила почитателей креста. Въ двухъ битвахъ войска Ликивіи были разбиты. Самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и чрезъ годъ умерщвленъ. Такъ погибъ царственный представитель язычества. Константинъ сдѣлался единоподержавнымъ. На тронѣ обширной имперіи возсѣлъ открытый почитатель Христа, Бога истиннаго. Теперь уже не оставалось сомнѣнія въ совершенномъ торжествѣ надъ язычествомъ христіанской вѣры.

Первымъ дѣломъ единоподержавнаго царя было изгладить слѣды недавняго гоненія на востокѣ. Указомъ своимъ онъ поспѣшилъ удовлетворить всѣхъ, обиженныхъ въ предшествовавшее царствованіе. Сосланные были возвращены, имущество и честь ихъ восстановлены. Самъ императоръ открыто заявилъ, что онъ христіанинъ и свое державное слово подтвердилъ дѣломъ. Онъ обнаружилъ великую ревность къ построенію и украшенію христіанскихъ храмовъ. Особеннымъ предметомъ попеченія его была Святая Земля. Тамъ, гдѣ впервые Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ зракѣ раба увидѣлъ свѣтъ и гдѣ благоволилъ Онъ пролить Свою пречистую кровь, какъ спасительную жертву за грѣхъ людей, тамъ воздвигались на царскія средства величественныя христіанскіе храмы. Дѣятельною помощницею императора явилась его благочестивая мать равноапостольная Едена. «Старица необыкновеннаго ума, говорить о ней историкъ Евсевій, съ быстротою юноши поспѣшила на востокъ и съ царскою заботливостію обозрѣвала дивную землю, чтобы совершить должное поклоненіе стонамъ Спасителя... и плодъ собственнаго благочестія оставила грядущему потомству: въ то время она воздвигла поклоняемому Богу два храма». Наконецъ, заботу о построеніи христіанскихъ храмовъ Константинъ возложилъ на епископовъ и на весь христіанскій клиръ. Издержки на это принимались на счетъ государственной казны.

Созидавая христіанскія церкви, Константинъ не спѣшилъ, разореніемъ языческихъ капищъ. Онъ хорошо понималъ, что гоненія на язычниковъ не принесутъ пользы. За одинъ разъ нельзя было сдѣлать всѣхъ христіанами. Да въ тому же язычество было сильно въ государствѣ. Какъ же можно было отважиться такъ скоро на преслѣдованіе его? Скорѣе требовалась осторожность. И точно, Константинъ не раздражаетъ язычниковъ. Правда, онъ запечаталъ нѣкоторые языческіе храмы, но это были такіе храмы, закрытія которыхъ желали лучшіе изъ язычниковъ. Константинъ не сложилъ съ себя даже званія верховнаго жреца. Но при всей своей мудрой осторожности, императоръ не могъ скрывать отъ язычниковъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ нѣкоторыхъ указахъ ему приходилось высказываться и о многобожѣ. Такъ въ одномъ изъ указовъ Константинъ писалъ: «Пусть никто не беспокоитъ другаго, пусть каждый дѣлаетъ то, чего хочетъ душа. Люди здравомыслящіе должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, кого ты, Боже, призовешь почитать подъ святыми твоими законами, а отвращающіеся пусть, если угодно, владѣютъ жребіемъ своего лжеученія... Кто препятствуетъ врачевать себя, тотъ пусть не винитъ въ этомъ другаго, ибо врачевница болѣзней предъ глазами». Расположенность императора къ христіанству, пренебрежительный взглядъ на старую вѣру, конечно, озлобляли язычниковъ. Тамъ, гдѣ идолослуженіе было особенно сильно, злоба на царя, оставившаго ложную вѣру, не замедлила обнаружиться.

Въ 326 году Константинъ прибылъ въ Римъ праздновать двадцатилѣтіе своего правленія. Римляне ожидали видѣть въ полномъ блескѣ обряды языческаго богослуженія, — вѣдь царь былъ верховнымъ жрецомъ. Константинъ распорядился устроить игры, но не приносилъ жертвъ идоламъ и даже не посѣтилъ ни одного языческаго капища. Это оскорбило язычниковъ.

Они начали преслѣдовать императора открытыми насмѣшками и явнымъ неуваженіемъ. Теперь уже зародилась въ душѣ Константина мысль порвать связь съ старою западною столицею, языческимъ Римомъ. Онъ рѣшился избрать столицу себѣ на востокѣ. Тутъ городъ Никомидія былъ еще недавно столичнымъ. Но столицы языческихъ римскихъ царей носили на себѣ слишкомъ свѣжіе слѣды господства суевѣрій. Легче было устроить новый христіанскій городъ, чѣмъ изъ стараго языческаго образовать христіанскую столицу. Еще во время войны съ Ликиніемъ Константинъ обратилъ свое вниманіе на небольшой городокъ на берегу Босфора, древнюю Византію. Незначительное число жителей города этого давно было просвѣщено свѣтомъ христіанской вѣры. Въ 328 году Константинъ прибылъ сюда и отдалъ приказаніе начать работы по постройкѣ столицы. Быстро воздвигались зданія. Въ короткое время городъ наполнялся жителями, привлеченными сюда разными льготами. Въ два года окончены были важнѣйшія постройки. Въ Маѣ мѣсяцѣ 330 года торжественно освящена была новая столица. «Въ городѣ, получившемъ отъ насъ свое имя, писалъ Константинъ Евсеію Кесарійскому, великое множество людей присоединились къ святой церкви, и необходимо построить нѣсколько церквей. Примми благосклянно мое рѣшеніе. Призналъ я за благо поручить твоему благоразумію заставить искусныхъ писцевъ написать на пергаменѣ, тщательно и изящно приготовленномъ, пятьдесятъ экземпляровъ тѣхъ священныхъ книгъ, которыя признаны будутъ тобою болѣе нужными для чтенія въ церквахъ и пришли съ діакономъ на казенныхъ колесницахъ». Всѣхъ христіанскихъ храмовъ въ Константинополѣ воздвигнуто было около пятидесяти. Кромѣ храмовъ и другія сооруженія свидѣтельствовали о христіанскомъ строителѣ города. Въ главномъ залѣ дворца красовалось изображеніе креста, вызолоченное и укра-

шенное дорогими камнями. Городскіе фонтаны были украшены изображеніями добраго пастыря, полагающаго душу свою за овецъ и пророка Давида во рвѣ львиномъ. На главной площади Константинополя поставлены были статуи Константина и Елены и посреди крестъ съ надписью: Единъ Святъ, единъ Господь Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца. Константинъ украсилъ городъ и языческими статуями. Но въ расположеніи ихъ по улицамъ и площадямъ столицы ясно обнаружилось все то презрѣніе къ языческимъ богамъ, которое наполнило душу христіанскаго царя. Статуи языческихъ боговъ поставлены были не для того, чтобы имъ поклонялись, но какъ памятники прошлаго, которое въ настоящемъ должно было указывать на торжество христіанской вѣры, единой истинной.» Весь соименный царю городъ былъ наполненъ искуснѣйшими мѣдными изваяніями, пишетъ епископъ Евсевій, которыя почитались у всѣхъ народовъ. Одержимые недугомъ заблужденія люди поздно уразумѣли, что въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ они тщетно приносили всеожженія и многочисленныя жертвы своимъ идоламъ, уразумѣли уже тогда, когда эти самыя изображенія царь обратилъ для забавы зрителей».

Основаніемъ и благоустройствомъ христіанской столицы былъ нанесенъ весьма сильный ударъ язычеству. Самымъ очевиднымъ образомъ порвана была связь между старыми и новыми формами государственной и религіозной жизни. Теперь уже не могли говорить, что цѣлость и прочность государства обусловливалась неприкосновенностію древней языческой формы богочтенія. Государство начинаетъ испытывать новыя вѣянія. Христіанскія начала проникаютъ въ жизнь общественную, въ древнее римское законодательство и въ жизнь семейную и всюду вносятъ гуманность. Еще въ 315 году Константинъ уничтожилъ казнь чрезъ распятіе. Въ 316 году онъ дозволилъ совершать при христіанскихъ храмахъ освобожденіе ра-

бовъ, а 321 году отмѣнилъ древній римскій законъ противъ безбрачныхъ.

А сколько добра дѣлалъ Константинъ для церкви христіанской! Многихъ онъ обратилъ ко Христу своимъ примѣромъ, милостями и любомудріемъ. Церкви христіанской онъ предоставилъ великія права и преимущества: епископамъ даровано было право вступаться за обиженныхъ, посѣщать тюрьмы и по своему усмотрѣнію освобождать заключенныхъ. Желавшіе могли разбираться въ своихъ спорахъ у христіанскихъ епископовъ. Рѣшенія послѣднихъ никто не имѣлъ права отмѣнять. При Константінѣ узаконено было празднованіе воскреснаго дня, церкви предоставлено право имущественнаго преобрѣтенія на дѣла благотворенія и право убѣжища и многое другое. «Поелику онъ (Константинъ) одинъ, скажемъ словами историка Евсевія, изъ римскихъ царей съ глубочайшимъ благоговѣніемъ чтилъ Царя всѣхъ Бога, одинъ необинаясь проповѣдывалъ всѣмъ ученіе Христа, одинъ столько прославилъ церковь Его, сколько никто отъ вѣка, одинъ низпровергъ всѣ заблужденія многобожія и обличалъ всѣ виды идолослуженія: то одинъ также и при жизни и по смерти удостоился благъ, какихъ не достигалъ никто другой. Онъ одинъ изъ всѣхъ, когда либо бывшихъ властителей Рима, содѣлавшись другомъ Царя всѣхъ Бога, явилъ людямъ разительный примѣръ благочестивой жизни. Богъ показалъ въ немъ мужа, служащаго урокомъ благочестиваго назиданія, явилъ его великимъ свѣтильникомъ и громогласнѣйшимъ вѣстникомъ богочтенія. Чрезъ него Богъ очистилъ смертный міръ отъ множества безбожниковъ и показалъ въ немъ народамъ Учителя благочестія. Онъ открыто называлъ себѣ рабомъ Царя всѣхъ, и Богъ содѣлалъ его такимъ царемъ, о какомъ прежде и слухомъ не слыхали; явилъ его столь боголюбезнымъ, что онъ безъ всякаго труда овладѣлъ гораздо большимъ числомъ

народовъ, нежели какимъ владѣли прежніе государи и безбѣдно сохранялъ свою власть до самой кончины. Разливая свѣтлые лучи благочестія отъ конецъ и до конецъ всей вселенной, на жителей цѣлой земли, онъ снискалъ расположеніе правителей и народовъ въ такой степени, что они охотно съ любовью и радостію посылали ему свои дары и считали высокою честію пользоваться его покровительствомъ и дружбою, такъ что для возданій ему почестей выставляли у себя живописныя его изображенія, воздвигали статуи и Константина знали и провозглашали, какъ единственнаго надъ всѣми самодержца». Святая церковь прославляетъ Константина какъ святаго и равноапостольнаго, а исторія почтила его титуломъ Великаго.

Свищ. В. Преображенскій.

ВЪ РО ИСПОВѢДАНІЕ

русскихъ сектантовъ—раціоналистовъ (духоборцевъ, молочанъ и штундистовъ).

(Продолженіе). ¹⁾

Вопросъ о происхожденіи современныхъ изслѣдуемыхъ нами сектъ, важный именно въ томъ отношеніи, что такое или иное рѣшеніе его проливаетъ, до нѣкоторой степени, свѣтъ и на характеръ самаго сектанскаго ученія,—вопросъ этотъ находитъ для себя возможное рѣшеніе въ минувшей исторической жизни русскаго народа и для надлежащаго рѣшенія возбужденнаго вопроса необходимо ставить его въ связи съ вопросомъ о первоначальномъ появленіи и развитіи у насъ на Руси раціонализма вообще. Только съ указанной точки зрѣнія и возможно понять то, повидимому, странное явле-

¹⁾ См. № 8 Воронеж. Епарх. Вѣд.

ніе, что у насъ на ряду съ развитіемъ раскола возникаютъ новыя секты, въ основныхъ началахъ своего ученія, ничего не имѣющія съ нимъ общаго, какъ на примѣръ, новѣйшій штундизмъ.

Относительно происхожденія на Руси рационализма вообще существуютъ два главнѣйшія и діаметрально противоположныя мнѣнія. Одни считаютъ рационализмъ за явленіе заносное къ намъ изъ запада; другіе, напротивъ, признаютъ рационализмъ за явленіе самобытное на Руси и сильно вооружаются противъ взгляда о западномъ происхожденіи русскаго рационализма. Пругавинъ, на примѣръ, въ статьѣ «значеніе сектанства въ русской народной жизни»¹⁾, тенденціозно раздѣляя мнѣніе о самобытномъ происхожденіи на Руси рационализма, съ слишкомъ замѣтной идеализаціей русскаго сектанства категорически утверждаетъ, что и помимо всякаго вліянія запада нашъ народъ самъ собою могъ додуматься до отрицанія тѣхъ или другихъ формъ, обрядностей и установленій, почему либо стѣсняющихъ его и пр. Въ видѣ аргумента въ пользу высказаннаго мнѣнія Пругавинъ выставляютъ тотъ фактъ, что молоканство, на примѣръ, возникло первоначально въ Тамбовской губерніи, гдѣ совсѣмъ нѣтъ и никогда не было протестанскихъ колоній, откуда могло быть занесено оно. Но дѣло въ томъ, что молоканство не есть первоначальная, по своему историческому происхожденію, рационалистическая секта. Въ строгомъ смыслѣ молоканство представляетъ собою особаго рода толкъ въ духоборчествѣ, — толкъ, выродившійся изъ него вслѣдствіе внутреннихъ разногласій въ упомянутой сектѣ²⁾. Извѣстный Уклеинъ, организаторъ молоканства, былъ первоначально духоборцемъ,

---

¹⁾ Рус. Мысл. 1881 г. № 1.

²⁾ Прав. Собесѣд. 1858 г. ч. III, стр. 43.

но затѣмъ такъ или иначе отдѣлился отъ этой секты и въ этомъ смыслѣ основалъ новую ¹⁾, имѣющую однако весьма много общаго съ ученіемъ духоборцевъ.

Отсюда вышеозначенную ссылку Пругавина и его сторонниковъ нельзя признать состоятельной. Самое же мнѣніе о самобытномъ происхожденіи русскаго рационализма съ равнымъ, если только не большимъ правомъ, можно признать за такую же сомнительную по степени достовѣрности гипотезу, за какую считаютъ мнѣніе о западномъ происхожденіи рационалистическихъ русскихъ сектъ. Во всякомъ случаѣ, больше данныхъ держаться мнѣнія о западномъ происхожденіи русскаго рационализма, чѣмъ безусловно объяснять это явленіе самостоятельно, помимо всякаго вліянія запада.

Въ самомъ дѣлѣ, такого отрицанія коренныхъ догматовъ вѣры и такого критическаго отношенія къ церковному *statu quo*, какое сказалось въ лжеученіи «московскихъ еретиковъ» (Башкина, Косаго, Тверитинова), а позднѣе въ духоборчествѣ, молоканствѣ и, наконецъ, новѣйшей штундѣ, — такихъ антицерковныхъ и рационалистическихъ воззрѣній въ смыслѣ самобытномъ, т. е. принадлежащемъ собственно нашимъ предкамъ, никогда не возникало въ Россіи прежде. Почти общепризнанная научная истина, что наши предки мало обращали мысль свою къ догмату и болѣе интересовались внѣшней обрядовой стороной вѣры. Наклонность къ обряду наши предки обнаружили даже прежде, нежели сдѣлались христіанами, уже въ то время, когда только что возникъ домашній вопросъ о перемѣнѣ вѣры. Извѣстно, что послы Владиміровы, отправленные для изученія различныхъ вѣроисповѣданій на мѣстѣ, вездѣ обращали вниманіе на обрядъ и достоинствомъ послѣдняго опредѣляли достоинство самой вѣры. «Ходихомъ въ Болгары

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе рѣчь ниже.

(въ магометанамъ),—разсказываютъ послы по возвращеніи домой,—смотримъ, како ея покланяють въ храмѣ, рекше въ ропоти, стояще безъ пояса; поклонився сидеть и глядитъ сѣмо и онамо, яко бѣшенъ и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великій, — и въ слѣдъ за этимъ дополняютъ, — нѣсть добро законъ ихъ. Придохомъ,—продолжаютъ послы, — въ Нѣмцы и видѣхомъ въ храмѣ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ ни коея же. Не удовлетворившись обрядомъ и въ слѣдствіе недостатка красоты въ немъ покинувъ вѣру нѣмцевъ, послы идутъ въ Царь-градъ къ Грекамъ. Услышавши здѣсь торжественное и величественное богослуженіе, послы заразъ преклоняются передъ нимъ и заразъ отказываются отъ старой вѣры, не спросивъ о новой, не пытаясь услышать ученія вѣры, которой принадлежалъ величественный обрядъ. «Придохомъ въ Греки,—такъ повѣствовало послы и выразили свое впечатлѣніе,—и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты той и недоумѣемъ бо сказати: токмо то вѣмы, яко ондѣ Богъ съ человѣки пребываетъ и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты той: всякъ бо человѣкъ аще укуситъ сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не имаы здѣ быти»¹⁾.

Вотъ первый шагъ, сдѣланный нашими предками въ церковно-обрядовомъ направленіи. Дальнѣйшая жизнь церковная текла у нихъ постоянно и неуклонно въ томъ-же направленіи, такъ что вниманіе предковъ обращалось на внѣшнюю сторону религіи—церковное богослуженіе, обряды и уставы церковныя. Не зная догматическаго христіанскаго

¹⁾ Полн. собр. Р. лѣт. т. I стр. 46.

ученіи, а между тѣмъ постоянно воспитываясь подъ вліяніемъ строгой церковной обрядности, народъ сталъ смотрѣть на самые обряды церкви, какъ на догматы христіанства. На самыя неважныя, даже мелочныя, разности обрядовыя стали обращать слишкомъ большое вниманіе. Лѣтописцы вносили въ лѣтописи, какъ замѣчательныя церковныя факты, даже самыя мелочныя обрядовыя разногласія, напримѣръ въ родѣ слѣдующаго: «той же зимы (1476 года), говоритъ новгородскій лѣтописецъ, нѣкоторые философы начаша пѣти: «Господи помилуй», а друзѣи «Господи помилуй»¹⁾). При такомъ взглядѣ на обрядовыя разности, когда стали обнаруживаться несогласіе, или разнообразіе въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и несправности въ богослужбныхъ книгахъ, то люди, привыкшіе строго соблюдать обряды церковныя, но не знавшіе существеннаго, т. е. духа и ученія христіанской вѣры, стали между собою много спорить, спорить жарко и раздѣляться по поводу самыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Возникъ, такимъ образомъ, на Руси, весьма естественно, расколъ старообрядчества, дѣйствительно выросшій на чисто русской почвѣ, — но странно допускать, чтобы также самобытно возникъ у насъ и раціонализмъ. Всѣ наши секты кореннаго русскаго начала основаны на большемъ или меньшемъ наружномъ богопочтеніи и стремятся къ его сохраненію. Всѣ, напротивъ, секты иностраннаго происхожденія посягаютъ на совершенное его уничтоженіе, что мы и видимъ въ нашихъ раціоналистическихъ сектахъ. Но прислушаемся внимательнѣй къ голосу исторіи, этой неподкупной свидѣтельницѣ протекшей жизни народной или, по характерному выраженію Карамзина, «священной книгѣ народовъ, зеркалу ихъ бытія и дѣятельности». Въ истори-

---

¹⁾ Ibid.

ческих данных находить ли для себя подтверждение мнѣнію о западномъ происхожденіи русскаго рационализма?

Сомнѣваться въ положительномъ отвѣтѣ на данный вопросъ нѣтъ серьезныхъ основаній. Исторія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что наша Россія и особенно ея образованность подвергались четырехвѣковому вліянію иноземцевъ. Быть не можетъ, чтобы это вліяніе прошло для русскихъ безслѣдно, чтобы оно не породило особаго духовнаго міровоззрѣнія въ народѣ. Какъ въ жизни частной, семейной взгляды и обычаи одного наиболѣе образованнаго лица передаются, обыкновенно, другимъ членамъ семьи; такъ равно и въ исторической жизни всѣхъ народовъ общій духъ тѣхъ или другихъ реформъ, пробудившійся въ одномъ просвѣщенномъ народѣ, сообщается всѣмъ другимъ народамъ—по мѣрѣ ихъ воспріимлемости. При международныхъ обычныхъ сношеніяхъ новыя идеи и вѣянія не могутъ, конечно, не передаваться отъ одного народа къ другому. Въ XVI и XVII вѣкахъ общій духъ реформатскихъ западныхъ стремленій не могъ въ нѣкоторой степени не отражаться и въ Россіи. Еще, впрочемъ, ранѣе съ юго-запада богомилство, съ запада аріанство, наконецъ, реформаціонное движеніе, при посредствѣ ганзейской торговли Новгорода и Пскова, мало по малу расшатывали духовное сознаніе русскаго народа и постепенно вводили въ него зачатки рационализма. Исторія отмѣтила и факты обнаруженія религіознаго рационализма еще въ древней Руси, за нѣсколько сотъ лѣтъ до появленія нашихъ духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ.

Въ 1004 году явился вѣкто Адріанъ монахъ, отвергавшій церковь и обрядность вообще, а въ 1125 году на югѣ же Россіи появился другой религіозный рационалистъ, вѣкто Дмитръ, отвергавшій церковныя уставы. Это первое появленіе религіознаго свободомыслия въ Россіи занесено было

къ намъ совнѣ, и лица, дѣйствовавшіи среди тогдашняго юнаго христіанскаго общества, были не русскіе, а пришельцы. Слишкомъ еще мало прошло времени для того, чтобы на почвѣ, просвѣщенной христіанствомъ, могли явиться раціональные религіозные мыслители! Нужно было болѣе продолжительное время и значительная доля свободной сознательной работы, чтобы разумъ выработалъ идеи, предшествующія, обыкновенно, фактамъ. Отсюда резонно и весьма справедливо полагаютъ ¹⁾, что раціоналистическая догма Адриана и Дмитра, дважды огласившая древнюю Русь, была результатомъ пропаганды у насъ богомилства. Адрианъ и Дмитръ, первые религіозные раціоналисты, были, поэтому, не кто иные, какъ богомилы болгарскіе ²⁾, отвергавшіе всю внѣшность церковную со всею іерархіею во имя служенія Богу духомъ и истиною ³⁾—какое служеніе выставляется на показъ обыкновенно и современными сектантами—раціоналистами. Означенное мнѣніе тѣмъ болѣе справедливо, что церковь болгарская издавна находилась въ тѣсной связи съ нашею древнею православною. Сохранились и памятники этого союза: общій той и другой церкви переводъ книгъ Священнаго Писанія, а также и прославленія у насъ памяти многихъ святыхъ мужей болгарской церкви. Болгарскій напѣвъ сохранился въ нашемъ богослужебномъ пѣніи. Если присоединить къ этимъ обстоятельствамъ кочующую жизнь пропагандистовъ богомилства, то весьма естественно, что современныя движенія, происходившія въ болгарской церкви, отражались и повторялись и въ русской. И замѣчательное совпаденіе историческихъ обстоятельствъ:

¹⁾ Истор. врес. и раск. Руднев. стр. 37.

²⁾ Богомилы произошли отъ навалианъ, называвшихся въ южной Франціи Піемонтъ, Ломбардіи и Богеміи вальденцами, а въ Провансѣ и Лангедокѣ албигенцами (Valdenses, Albigenes).

³⁾ Истор. о раскол. въ церк. Росс. Игнат. стр. 23.

когда у насъ судили религіознаго вольнодумца Дмитра (онъ былъ обличенъ кievскимъ митрополитомъ Леонтіемъ и заключенъ въ темницу), въ болгарскомъ городѣ Менгелинѣ почти всѣ жители заражены были павликіанствомъ. Даже самъ князь едва не отступилъ отъ православія...

Религіозное свободомысліе, занесенное въ южную Русь болгарскими богочинами почти въ первыя времена появленія христіанства на Руси, съ теченіемъ дальнѣйшей церковной жизни русскаго народа, вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ, перенесено было затѣмъ изъ юга Россіи на сѣверъ. На сѣверѣ опустошеніе монгольское сосредоточило Русь; сюда перешла митрополія русская, сюда перетянуло и всю жизнь народную. Въ сѣверномъ то пунктѣ Россіи идеи, ранѣе посѣяныя религіозными раціоналистами, легко возродились и удобно привились въ странѣ издавна свободолюбивой—«вольномъ» Новгородѣ и его бывшемъ пригородѣ Псковѣ. Въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія явились среди псковичей дьяконъ Никита и нѣкто Карлъ, по прозванію стригольникъ¹⁾, пропагандировавшіе на сѣверѣ идеи религіознаго раціонализма. Отрицая богоучрежденность пастырей церкви, ихъ священнодѣйствія, стригольники проповѣдывали народу, что не нужно принимать отъ священниковъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи; каяться можно безъ священника, припадая къ землѣ; евхаристію нужно понимать въ духовномъ смыслѣ, другія таинства вовсе для спасенія не нужны. Нѣкоторые изъ сторонниковъ этого ученія довели его до полнаго матеріализма, отвергнувъ соборы, евангельскія и апостольскія пи-

---

¹⁾ Нѣкоторые называютъ Карла стригольникомъ по ремеслу (цирюльникомъ), другіе—потому, что онъ былъ расстрѣянъ (дьяконъ) за вольномысліе. Вопросъ этотъ положительно и ясно не разрѣшенъ и доселѣ. (Истор. о раск. Игнат. стр. 34; Истор. ерес. и раскол. Руднев. прил. стр. 24—25).

санія и даже самое воскресеніе мертвыхъ и загробную жизнь. Въ правоученіи еретики проповѣдывали аскетизмъ и отличались строгой жизнью и постничествомъ. Изъ Пскова описанная рационалистическая ересь перешла въ Новгородъ, гдѣ также нашла себѣ удобную почву; перешли сюда и ересе-начальники Карпъ и Никита. Нестолько церковь, сколько самъ народъ возсталъ противъ стригольниковъ, какъ противниковъ строго соблюдаемыхъ псковичами и новгородцами общинныхъ обычаевъ, схватилъ сектаторовъ и бросилъ въ Волховъ. Но смерть еретиковъ не ослабила ереси и движеніе, возбужденное ими, снова вскрылось въ другой опасной ереси жидовствующихъ.

Въ XV столѣтіи, во время религиозныхъ движеній на западѣ, занесены были изъ Литвы идеи рационализма въ Новгородъ на почву, уже передъ тѣмъ подготовленную, какъ мы видели, стригольниками. Явилась такъ названная (Іосифомъ Волоцкимъ) ересь «жидовствующихъ»¹⁾. Вскорѣ эта ересь проникла въ Москву, гдѣ въ числѣ послѣдователей ея оказались: духовенство кремлевскихъ соборовъ, самъ митрополитъ, жена старшаго сына вел. князя Ивана Васильевича, дьяконъ Бурицынъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, говоря вышнимъ языкомъ, и другіе знатные люди. Еретики отвергали, путемъ логическихъ доводовъ, догматы о Троицѣ, Божествѣ Иисуса Христа и вскупленіи, писанія отеческія, таинства, обряды внѣшняго богочтенія, иконы, мощи, посты, службы по уставу, монашество, какъ образъ жизни про-

---

¹⁾ Ересь эта неправильно названа «жидовствующею». Она не была жидовство и вообще что-либо единое, цѣлое, а представляла собою взрывъ таившагося современъ богомиловъ и потомъ стригольниковъ критицизма вѣры, или христіанскаго рационализма, состояшаго изъ сѣбѣ многихъ толковъ, объединенныхъ совершенно случайно подъ именемъ жидовства (Прав. Обзор. 1862 г. т. VIII стр. 304—305).

тивный природѣ. Ересь эта была подвергнута гоненію. Новгородскій владыка Геннадій настоялъ на соборѣ 1490 года, чтобы еретиковъ предавали проклятію. Въ Новгородѣ онъ велѣлъ посадить еретиковъ на коней лицомъ къ хвосту, выворотить на нихъ одежду, нарядить въ шлемы берестовые, остроконечные съ мочальными кистями, съ вѣнцами изъ сѣна и соломы съ надписью: «се есть сатанино воинство!» и въ такомъ положеніи ввести ихъ въ городъ, провожать изъ улицы въ улицу. Попадавшіеся на дорогѣ плевали имъ въ глаза и восклицали: враги Божіи, хульники Христа! Наконецъ, на еретикахъ зажжены были шлемы ¹⁾.

Геннадій озаботился также заведеніемъ школъ, переводомъ и собраніемъ книгъ Св. Писанія. Выѣстъ съ Іосифомъ Волоцкимъ—онъ разсылалъ посланія къ священникамъ, увѣривши ихъ въ вѣрѣ и доброй нравственности. По проискамъ новгородскаго владыку лишили каѳедры, но ревностный поклонникъ его, Іосифъ Волоцкій добился, что на московскомъ соборѣ 1504 г. еретики были снова осуждены, главные сектаторы сожжены, а другіе разосланы по монастырямъ.

Но какъ бы то нибыло, рационалистическая мысль не пропала безслѣдно и, при малѣйшемъ возбужденіи народнаго сознанія, проявлялась то въ той, то въ другой формѣ. Еще не утихло движеніе, возбужденное сектою жидовствующихъ, какъ явился въ Москву албанскій грекъ Максимъ, получившій обширное образованіе въ Парижѣ, Венеціи и Флоренціи, современникъ и почитатель Савонароллы. Началось новое движеніе, возгорѣлась новая и оживленная борьба между стремленіемъ впередъ и пристрастіемъ къ старинѣ. Исправленіе богослужбныхъ книгъ, произведенное Максимомъ грекомъ, его

---

¹⁾ Рудневъ разсужд. о ересьх. и раскол. стр. 102 и далѣе.

обличенія, направленные против общественной распри, придворныхъ смуть, неправого суда, рабства, разврата, пьянства, противъ вѣшной безжизненной набожности, неизбежно вызвали протестъ консерватизма. Консерватизмъ этотъ, въ своемъ развитіи, дошелъ до крайности и рельефно сказался въ старообрядческомъ направленіи, обозначившимся въ столбовомъ соборѣ. Наряду съ крайнимъ старообрядческимъ направленіемъ возникло и противоположное, еще сильнѣе вдавшаеся въ крайность и беспощадно начавшее ломать все церковное устройство и все тогдашнее религіозное настроеніе. Явились лица, которыя, опираясь на бродившія еще въ обществѣ и народѣ начала вышеупомянутой ереси жидовствующихъ, а также на обличенія религіозныхъ настроеній Максимомъ грекомъ, начали снова проповѣдывать раціонализмъ, но уже болѣе очищенный, подвергшійся переработкѣ западныхъ протестантскихъ мнѣній. Такъ возникла ересь Матвея Башкина и Θεодосія Косаго, яжеученіе чисто раціоналистическое, которое «многими было похваляемо, любимо и пріемлемо и отъ многихъ познаваемо яко истинное».

Сущность этого яжеученія собственноручно написалъ самъ Башкинъ, схваченный и подвергнутый допросу. Послѣдователи нашего ученія, писалъ онъ, божество Сына и равенство Его съ Отцемъ не признаютъ, евхаристію считаютъ не таинствомъ; покаяніе, иконы и мощи не почитаютъ; отеческія писанія, житія св. отецъ и постановленія соборовъ называютъ «баснословіемъ». На допросѣ выяснилось также, что этого ученія держится большинство бѣлозерскихъ старцевъ, изъ которыхъ монахи Θεодосій Косой и Игнатій пошли въ отрицаніи еще далѣе Башкина. Соборомъ 1554 года еретики были осуждены и разсланы по дальнимъ монастырямъ. Θεодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, гдѣ и продолжали проповѣдывать раціоналистическое ученіе. Но и

помимо зарубешнаго вліянія, въ самой русской жизни создавались и развивались явленія, возбуждавшія рационалистическую мысль. Мы разумѣемъ наплывъ въ Россію нѣмцевъ, число которыхъ особенно увеличилось со времени Петра Великаго, относившагося къ протестантамъ благосклонно

Еще задолго, впрочемъ, до Петра I, начиная съ Василя III, завелись у насъ нѣмецкія поселенія, игравшія роль передовыхъ колоній запада для знакомства Россіи съ европейскою цивилизаціею. Заселенія нѣмцевъ распространялись по всѣмъ городамъ, такъ что въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія, по свидѣтельству Оларія, въ одной Москвѣ жило болѣе 1000 семействъ лютеранскихъ и реформатскихъ, а къ концу вѣка, по свидѣтельству Рейтенфельса, всѣхъ нѣмцевъ, жившихъ въ Россіи, было болѣе 18,000 человекъ.

Особенно увеличилось число нѣмцевъ со времени Петра Великаго, окружившаго себя иностранцами—протестантами. Началась эпоха благопріятная для протестантской пропаганды въ Россіи. Дозволено было нѣмцамъ близъ Лефортовскаго дворца соорудить новую каменную кирку, во имя св. Апостоловъ Петра и Павла, съ колокольнею и колоколами. Явилось на русскомъ языкѣ изложеніе Аугсбургскаго исповѣданія и переведены на русскій языкъ и напечатаны катехизисы лютеранскій и кальвинскій. Даже когда митр. Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патриаршаго престола, написалъ противъ ученія протестанствующихъ еретиковъ сочиненіе «Камень вѣры», это сочиненіе нѣкоторое время не было печатаемо, какъ оскорбительное будто-бы для иностранцевъ (протестантовъ). Не удивительно, поэтому, если протестанство не менѣе папства пропагандировало свое ученіе у насъ на Руси, и, по возможности, поддерживало въ Москвѣ вышеупомянутое рационалистическое ученіе Башкина, Косаго и К^о. И если тогдашнее, сравнительно образованное, западное общество,

переступило границы умѣренности въ критикѣ вѣрованій, то наша юная, недодѣланная образованность и подавно могла впасть въ другую крайность—въ полное пренебреженіе къ вѣрѣ, религиозное вольнодумство. Исторія убѣдительно подтверждаетъ это фактически. Даже самъ Царь Петръ I-й вынуждаемъ былъ прямо останавливать черезъ-чуръ вольныя замѣчанія относительно вѣры, высказываемыя его приближенными. Татищеву, напримѣръ, пришлось однажды слишкомъ больно отъ знаменитой дубинки Петра за пущенную имъ какую-то ѣдкую насмѣшку на счетъ преданій церкви: «Не соблазняяй вѣрующихъ душъ,—приговаривалъ Петръ,—не заводи вольнодумства. Это вредно для благоустройства общественнаго. Не для того я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви».

До какой степени развиты были вольнодумство и протестанскія идеи въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, можно судить объ этомъ, напримѣръ, по жалобамъ іерарховъ церковныхъ. Іона, митр. Ростовскій, и Аѳанасій холмогорскій въ обружныхъ посланіяхъ своихъ считали нужнымъ предохранить свою паству отъ такихъ вольнодумцевъ, лютеранъ, кальвинъ и пр., и прямо указывали на умноженіе ихъ въ Россіи «Видѣхъ бо нѣкіи,—писалъ Аѳанасій холмогорскій въ окружномъ посланіи къ сѣверно-поморской паствѣ,—кромѣ закона и заповѣданія и преданія ходяція въ чужестранныя нѣкіе обычаи, паче же прелести еретическія, и приобщаются имъ... Нововводные чужестранныя обычаи по малу вкрадываются тайно въ свитую нашу православную восточную церковь отъ еретичества латинъ и люторовъ и кальвиновъ, и ученіе ихъ всякое». Замѣтимъ, что это говоритъ архіепископъ холмогорскій своей паствѣ, на сѣверѣ Россіи, гдѣ религиозный рационализмъ, впервые занесенный къ намъ съ юго-запада болгарскими богамилами, успѣлъ уже пройти нѣсколько стадій

своего послѣдовательнаго развитія въ ересахъ стригольниковъ, жидовствующихъ, ученіи Башкина, Косого и пр. Ко всѣмъ этимъ противоцерковнымъ стремленіямъ прибавились, такимъ образомъ, еще новыя и болѣе сильныя основанія, заимствованныя легко и безпрещетственно у протестанства. Вліяніе протестантизма на религіозность русскихъ людей было настолько велико, что въ апрѣлѣ 1713 года формально началось замѣчательное дѣло о московскихъ еретикахъ, въ ученіи которыхъ обнаружено было протестантское направленіе.

Во главѣ этихъ московскихъ еретиковъ оказался нѣкто Дмитрій Тверитиновъ или Дерюшкинъ, учившійся въ нѣмецкой слободѣ медицинѣ, весьма скоро увлекшійся протестантскими идеями и сдѣлавшійся ревностнымъ ихъ проповѣдникомъ. Ученіе свое онъ излагалъ въ особыхъ тетрадкахъ, способствовавшихъ тому, что оно не пропало безслѣдно и удобнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ученій разнеслось по народу во всѣ концы Россіи и съ теченіемъ времени было принято нашими молоканами, при составленіи ими такъ называемыхъ обрядниковъ.

Тетрадки свои давалъ Тверитиновъ прочитывать вмѣстѣ съ переводомъ лютерова катихизиса и проповѣдью своею насколько не стѣснялся, распространяя ее гласно. «Нынѣ у насъ, слава Богу, вольно всякому, — кто какую вѣру изберетъ, въ ту и вѣруетъ», говорилъ обыкновенно Тверитиновъ, если ему угрожали судомъ. Въ теченіи десяти лѣтъ, около него составилъ большой кружокъ послѣдователей, фанатически ему преданныхъ. Ученіе Тверитинова почти то же, что Башкина. Оно состояло въ отрицаніи св. евхаристіи и другихъ таинствъ, почитанія св. мощей и угодниковъ, поминанія умершихъ, наконецъ, въ отверженіи церковнаго преданія и самой церкви, какъ учрежденія. Въ 1714 году въ Москвѣ по дѣлу еретиковъ состоялся соборъ, который пре-

далъ еретиковъ анаемѣ и отдалъ ихъ гражданскому суду. Тверитинова и его послѣдователей разослали по монастырямъ, а фанатикъ Оома Ивановъ, однажды въ церкви разсѣкшій косаремъ образъ чудотворца Алексѣя, сожженъ былъ на кострѣ. Понятно, такими мѣрами еретическія мысли были заглушены, но не уничтожены. Дѣло московскихъ еретиковъ только разожгло положенное Тверитиновымъ ученіе: оно стало переходить изъ устъ въ уста и послужило первоначаломъ, корнемъ скоро развившихся впоследствии и во многихъ мѣстахъ существующихъ нынѣ русскихъ протестантствующихъ сектъ духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ.

Рости этому ученію тѣмъ болѣе было возможно, что при преємникахъ Петра I протестанскія идеи получили полное право гражданства. Особенно это нужно сказать о царствованіи Анны Иоанновны, когда протестанты свободно строили кирки, заводили особыя общества и пр. Нѣмецкое вліяніе на тогдашнее общество губельно было въ разныхъ отношеніяхъ. Систематическій раціонализмъ не по плечу былъ обществу, и все дѣло ограничивалось безрелигіозностью и крайнею распущенностью. Да и сами тогдашніе всеильные нѣмцы были плохими представителями протестанскихъ вѣрованій. Бировъ, на примѣръ, ни разу не былъ въ киркѣ; Остерманъ перемѣнялъ столько разъ религію, что даже никто не зналъ, какого онъ вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, роскошь двора, дорогіе костюмы, блестящіе балы, маскарады, обѣды шли своимъ чередомъ; дворъ то и дѣло настаивалъ на энергическомъ дѣйствіи «доимочной канцеляріи». Масса же народная жила неприглядною, тяжелою жизнью. Гнетъ и страшные поборы сверху, неудовлетворенность духовныхъ стремленій со стороны необразованнаго селскаго духовенства, отовсюду несправедливости и притѣсненія; неопредѣленные и преувеличенные слухи о соблазнительномъ образѣ жизни Петербурга,—какая удобная и благопріятная

почва для развитія сектанства! Неудивительно, поэтому, если народъ былъ отзывчивъ къ сектанской пропагандѣ, если онъ охотно принималъ всякую живую проповѣдь, всякія нерѣдко нелѣпыя бредни пропагандирующаго сектатора. Росъ и крѣпъ старообрядческій расколъ, это наше доморощенное, коренное, крупное и крайне своеобразное явленіе исторической жизни русскаго народа. Удобно также привились на русской почвѣ заносные изъ запада элементы раціоналистической мысли. Сѣмена религіознаго раціонализма, посѣянные на русской почвѣ еще въ первыя времена появленія христіанства на Руси, съ теченіемъ дальнѣйшей исторической жизни возрасли и принесли свои горькіе плоды. Такъ образовался у насъ раціонализмъ, уже передѣланный на русскій ладъ въ ученіи крайне своеобразныхъ нашихъ сектъ—духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ.

Далѣе мы намѣрены коснуться подробностей зарожденія, въ частности, духоборческой секты, но, къ сожалѣнію, мы будемъ обладать только самыми поверхностными свѣдѣніями и самыми отрывочными свидѣтельствами того времени, когда возникла эта замѣчательная въ своемъ родѣ секта.

II. Оболенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По духовно-учебному вѣдомству.

Свят. Синодомъ разрѣшенъ вопросъ о порядкѣ производства испытаній на званіе студента духовной Семинаріи ищущимъ сего званія изъ окончившихъ курсъ Семинаріи въ высшихъ разрядахъ; при чемъ 1) окончившіе курсъ семинарскаго образованія въ высшихъ разрядахъ воспитанники при дѣйствіи устава сихъ заведеній 1867 года должны быть испытываемы

на званіе студента Семинаріи на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ удостоены сего званія ихъ товарищи т. е. по тѣмъ же программамъ, какія были утверждены при дѣйствии устава 1867 года; но это правило не должно распространяться на тѣхъ, кои вышли изъ V и VI классовъ при дѣйствии прежняго устава. 2) Испытаніе на званіе студента Семинаріи должно быть производимо по всѣмъ предметамъ богословскаго курса, хотя бы по нѣкоторымъ изъ нихъ испытываемые имѣли и высшіе баллы (5 и 4), не исключая и тѣхъ предметовъ, которыя преподавались въ высшихъ классахъ Семинаріи (Св. Писанія), 3) на званіе студента Семинаріи допускаются только тѣ изъ бывшихъ воспитанниковъ Семинаріи, которые при выходѣ изъ Семинаріи имѣли баллы по поведенію не ниже 4 и сверхъ сего представляютъ одобрительные отзывы о своемъ поведеніи, буде состоятъ на службѣ, отъ подлежащаго начальства. (Цер. Вѣд. изд. при св. Синодѣ № 13).

Разказы о Митрополитѣ Филаретѣ.

Въ послѣдней книжкѣ „Рус. Арх.“ протоіерей Архангельскій передаетъ нѣсколько любопытныхъ разказовъ о пригнопамятномъ святителѣ Московскомъ Филаретѣ.

Пришли къ Филарету три игуменіи: Вѣра Новодѣвичьяго, Флора Никитскаго и Паисія Страстнаго монастырей; первая въ простой ряскѣ, а двѣ послѣднія въ шелковыхъ. Благословивъ всѣхъ, владыка приказалъ Вѣрѣ сѣсть, а тѣмъ сказалъ: „я боюсь предложить вамъ сѣсть изъ-за предосторожности, чтобъ не измяли вы свои дорогія ряски“.

— Къ Московскому митрополиту Платону хаживалъ бѣдный чиновникъ съ просьбою о помощи. Докладчикомъ былъ Василій Михайловичъ Дроздовъ ¹⁾. „Скажи ему: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ“. Платонъ вслѣдъ за симъ садился обѣ-

¹⁾ Мирское имя Митроп. Филарета.

дать. Подъ салфеткою Платона оказывается евангеліе. „Что это значитъ“? — спрашиваетъ Платонъ Дроздова. — „Опытъ примѣненія Евангельскихъ словъ, владыко“, — отвѣчалъ Дроздовъ. Платонъ не прогнѣвался и приказалъ выдать чиновнику три рубля.

— Полковой священникъ, вдовый, поступилъ въ монастырь и предался пьянству. Настоятель монастыря донесъ Филарету. Филаретъ, намѣренъ былъ запретить ему священнослуженіе, но резолюціи еще не написалъ. Настала ночь. Филаретъ заснулъ и во снѣ видитъ императора Александра I, просящаго пощадить священника. Филаретъ всталъ, записалъ часть сна и, опять заснувъ, видитъ митр. Платона съ ходатайствомъ о пощадѣ священника. Филаретъ всталъ, записалъ и, снова заснувъ, видитъ Кутузова, упрашивающаго о священникѣ. Проснулся и утромъ посылаетъ за священникомъ. Узнаетъ, что на службѣ въ полку Государь зналъ его съ хорошей стороны, что у Платона онъ учился и былъ любимымъ ученикомъ и что Кутузовъ зналъ его и жаловалъ. Священникъ прощенъ.

— Одинъ изъ Московскимъ купцовъ предложилъ Синодальной Конторѣ покрыть Успенскій соборъ новымъ желѣзомъ, а старое съ крыши желѣзо отдать ему. Контора съ готовностью согласилась и вошла съ докладомъ къ Филарету. Митрополитъ приказываетъ снять одинъ листъ съ Успенскаго собора и принести къ нему. Принесли. Онъ ножомъ отскоблилъ краску, и оказалось, что листъ мѣдный толстый. Жертва купца осрамила.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Почему для церковнаго празднованія 50-ти лѣтія Восединенія уніатовъ избрано 8-е іюня. Проф. М. О. Кояловичъ разъясняетъ, почему для церковнаго празднованія 50 лѣтія восединенія уніатовъ выбрано св. синодомъ 8-е іюня.

Въ 1840 году установленъ праздникъ восединенія уніатовъ. Такъ какъ моментовъ восединенія было много,

то приходилось выбрать одинъ изъ нихъ, болѣе удобный для народа. Избранъ девятый четвергъ послѣ пасхи, такъ называемая въ Западной Руси девятуха. День этотъ падаетъ на середину времени, когда въ 1839 г. совершались торжества воссоединенія, и такъ какъ онъ подвижной, то въ разные года приближается къ близкимъ днямъ торжествъ 1839 г. Въ настоящемъ году онъ падаетъ на 8 іюня, и слѣдовательно будетъ въ серединѣ между 4-мъ іюня и 11-мъ, т. е. между торжествами 1839 г. въ Полоцкѣ и Минскѣ.

Самая важная забота о достойномъ празднованіи пятидесятилѣтія воссоединенія съ православною церковью полутора сляшкомъ милліона русскаго народа Западной Россіи, само собою разумѣется, должна сосредоточиваться на томъ, чтобы потомки этихъ полутора-милліонныхъ воссоединенныхъ имѣли всѣ средства хорошо узнать и оцѣнить это событіе и неисчислимыя блага, изъ него происшедшія, основательно замѣчаетъ г. Кояловичъ.

О недопущеніи нехристіанъ въ церковно-приходскія школы. — По поводу возбужденнаго однимъ изъ завѣдывающихъ церковно-приходскими школами въ Волынской епархіи священниковъ вопроса о томъ, могутъ ли быть принимаемы въ церковно-приходскую школу дѣти неправославнаго исповѣданія и иновѣрцы, т. е. евреи и магометане, Волынскій Епархіальный Училищный Совѣтъ съ утвержденія Высокопреосвященнаго Волынскаго 27 января 1889 г. постановилъ: разъяснить духовенству Волынской епархіи, что въ виду опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 15—25 апрѣля 1887 года, за № 676, въ церковно-приходскія школы могутъ быть принимаемы дѣти всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, съ тѣмъ однако, чтобы ни въ изученіи закона Божія, ни въ посѣщеніи церкви и участіи въ церковномъ Богослуженіи чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ не было дѣлаемо никакого разли-

чія между неправославными и православными воспитанниками школы; что же касается дѣтей не-христіанскихъ исповѣданій, то таковыя, какъ не могущія исполнять обязанностей, указанныхъ въ § 9 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, не могутъ быть принимаемы въ церковно приходскія школы.

(Могил. Епар. Вѣд. № 11—12.).

Съ сектантами—пашковцами въ одной изъ окраинъ Петербурга, именно въ Галерной гавани, произошло собесѣдованіе извѣстнаго іеромонаха Арсенія. На собесѣдованіе, 16 апрѣля, стеклось, какъ говорятъ, до пяти тысячъ чело-вѣкъ, и потому, за невозможностью найти въ гавани зданіе для такой массы народа, собесѣдованіе устроено было подъ открытомъ небомъ, на паперти Свято-Троицкой церкви. Выступившіе въ качествѣ совопросниковъ трое молодыхъ пашковцевъ одинъ за другимъ ступевались. О. Арсеній, признавая публичныя бесѣды съ пашковцами недостигающими цѣли—убѣдить заблуждающихся, перенесъ собесѣдованія къ себѣ на квартиру.

(Цер. Вѣст. № 17.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу

КНИГА:

Всенощное бдѣніе и Божественная Литургія разныхъ распѣвовъ на три дѣтскихъ голоса положилъ учитель пѣнія діаконовъ *М. Ѡ. Коневскій*.

Цѣна съ пересылкою 75 к.

Нижній-Новгородъ. 1889 годъ.

Вышли изъ печати 1, 2 и 3 части

ТВОРЕНІЙ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

Архієпископа Константинопольскаго.

Подписка принимается и на всѣ *шесть* частей Твореній сего Отца церкви, печатаніе которыхъ будетъ окончено не позднѣе Іюля сего года. Четвертая часть выйдетъ изъ печати въ Маѣ. Цѣна каждой части 1 р. 50 коп. съ пересылкою. Адресъ: въ Сергіевъ Посадъ, Моск. Губ., въ редакцію Твореній Святыхъ Отцевъ.

Литовская церковная унія и воссоединеніе униатовъ въ 1839 году.—Торжество христіанской вѣры въ греко-римской имперіи при Константинѣ Великомъ.—Вѣроисповѣданіе русскихъ сектантовъ.—По духовно учебному вѣдомству.—Разсказы о Митрополитѣ Филаретѣ.—Извѣстія и замѣтки.—
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Протоіерей А. *Спасскій*.

Цензурою дозволено, Воронежъ. Мая 15 дня 1889 года. Цензоръ Прот. П. Палицынъ.